

ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР

А.А. Морозов

Аннотация. К моменту прихода к власти Елизаветы Тюдор, провозглашенной в 1558 году Королевой Англии и Ирландии, государство переживало сложный период, который характеризовался целым комплексом внутренних и внешних социально-экономических проблем. Отчасти вынуждаемая этими обстоятельствами, Елизавета занялась реформированием хозяйственной системы и экономики страны, созданием мощного административно-финансового аппарата, отвечавшего насущным потребностям правительства, что, в конечном итоге, привело к необратимым социальным изменениям в стране. Парламент, в свою очередь, стремился к усилению своей роли в государственных делах, вопреки воле Елизаветы. В условиях такого противостояния абсолютная монархия в Англии стала развиваться по собственному, отличному от континентального опыта пути, что способствовало формированию социально-экономических и политических основ будущей Британской империи.

Ключевые слова: парламентский статут, купеческие корпорации, феодальная анархия, вложение капиталов, кровавое законодательство, компании купцов-авантюристов, финансовые круги, купеческие гильдии, бакалейщики-гросеры, королевский ордонанс.

223

DYNAMICS OF ECONOMIC, SOCIAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF THE ENGLISH SOCIETY IN THE ELIZABETHAN ERA

А.А. Morozov

Abstract. By the time Elizabeth Tudor came to power, proclaimed in 1558, Queen of England and Ireland, the state was going through a difficult period, which was characterized by a whole complex of internal and external socio-economic problems. Partly forced by these circumstances, Elizabeth en-

© Морозов А.А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

gaged in reforming the economic system and the economy of the country, creating a powerful administrative and financial apparatus that met the urgent needs of the government, which ultimately led to irreversible social changes in the country. Parliament, in turn, sought to strengthen its role in public Affairs against the will of Elizabeth. In the face of this confrontation, the absolute monarchy in England began to develop in its own way, different from the continental experience, which contributed to the formation of the socio-economic and political foundations of the future British Empire.

Keywords: *parliamentary Statute, merchant corporations, feudal anarchy, the investment, the bloody legislation of the company of merchants-adventurers, financiers, merchants, grocers, the Royal Ordinance.*

7 сентября 1533 года Анна Болейн родила Генриху VIII Тюдор дочь. Это было жестоким разочарованием для монарха, который жаждал сына, но, по крайней мере, он дал ей имя своей матери – Елизавета. Каковы бы ни были личные нравы Анны – а Генрих позже сказал, что она ему изменяла, чтобы он мог казнить ее в 1536 году, – она была хорошо образованной дамой эпохи Возрождения, и ее дочь воспитывалась в том же климате. В 1537 году третья жена Генриха — Джейн Сеймур — произвела на свет долгожданного наследника мужского пола Эдуарда, воспитанного в протестантской вере. По условиям завещания Генриха, именно он наследовал отцу в 1547 году, однако через шесть лет умер от туберкулеза. Так Елизавета I оказалась на престоле, положив начало великой эпохе в истории Англии — елизаветинской.

Ей досталось непростое наследство. Внешняя и внутренняя политика, проводимая ее отцом в течение первой половины XVI века, привела к резкому ухудшению международного положения страны. Военные конфликты, обострение отношений с Папским престолом, в частности, и всем католическим миром в целом, тяжелое финансовое

положение казны и разорение английских элит спровоцировали затяжной кризис, положивший начало разложению феодально-абсолютистских основ средневековой Англии. К моменту прихода к власти Елизаветы Тюдор, провозглашенной в 1558 Королевой Англии и Ирландии, государство переживало сложный период, который характеризовался целым комплексом внутренних и внешних социально-экономических проблем.

Отчасти вынуждаемая этими обстоятельствами, Елизавета занялась реформированием хозяйственной системы и экономики страны, созданием мощного административно-финансового аппарата, отвечавшего насущным потребностям правительства, что, в конечном итоге, привело к необратимым социальным изменениям в стране. Парламент, в свою очередь, стремился к усилению своей роли в государственных делах вопреки воле Елизаветы. В условиях такого противостояния абсолютная монархия в Англии стала развиваться по собственному, отличному от континентального опыта пути, что способствовало формированию социально-экономических и политических основ будущей Британской империи.

Вполне естественно, что основным инструментом внешней государственной политики островного государства должен был стать флот, который в то время, когда у Англии еще не было регулярной армии, уже являлся серьезной силой. Флот был подчинен самостоятельному административному управлению и организован как регулярная военная сила, оплачиваемая королем. На это мероприятие и Генрих VIII, и Елизавета израсходовали немало средств. Они не только строили королевские корабли, но и сооружали военно-морские базы — в Вулдидже и Детфорде, где устье Темзы затрудняло неожиданное вторжение. Была усовершенствована морская база Портсмут и укреплены многие гавани. Военный флот создавался главным образом по той причине, что военная тактика после двухтысячелетнего существования вступала в новую эпоху. Установка пушек на борту корабля изменила характер морской войны; вместо abordжа, основным элементом атаки стало маневрирование плавучих батарей, которое впервые показало свое преимущество в сражении с Армадой. Будучи успешной в этих делах, Англия смогла достигнуть морского могущества и превратиться в большую империю, и военно-морская политика стала главным способом воплощения этого.

Между тем, развитие капиталистических отношений в английской деревне привело к заметным социально-правовым сдвигам, затронувшим все основные категории населения.

В английской экономической, социальной и политической структуре данного периода, происходили необратимые процессы. Наиболее заметны эти процессы были в городах.

Определение горожанами своей значимости; желание торговой буржуазии войти во власть, для того чтобы создавать себе выгодные законы; усиление роли парламента, с мнением которого приходилось считаться даже свирепому отцу Елизаветы. Все это в комплексе заставляло власти реагировать, и корона решила действовать первой, «подстраивая» свою политическую систему под новые условия.

Королевские прерогативы, как известно, включают права (как, например, заключать договоры или посылать послов) и обязанности (например, оборонять королевство), которые исследователи обычно подразделяют на ординарные (наследственные) и абсолютные [3, с. 174–176]. Ярче и полнее всего этот вопрос был освещен в известном трактате Фортезкью «Похвала законам Англии» [4, с. 670], в котором он отстаивал основы той политической системы, которую называл «власть королевская и политическая» (*dominium regale et politicum*) и под которой понимал сословно-представительную монархию [5, с. 110]. Соответственно, основной задачей являлось сохранение основных прерогатив короны, но с учетом тех кардинальных сдвигов, которые наметились в сословиях Англии.

Прежде всего, следует отметить происходившее размывание социальных границ элиты английского общества — дворянства. Социальная и военно-политическая роль английского рыцарства за столетие значительно изменилась. С одной стороны, «Прокламация о присвоении рыцарского достоинства» обозначала: «Каждый человек, имеющий свыше 40£ годового дохода, будь он собственником или держателем более 3 лет, и который пока не обладает рыцарским званием,

под страхом смертной казни обязан явиться к нам на аудиенцию до конца февраля для присвоения рыцарского достоинства» [3, с. 52]. Другими словами, имущественное положение фаворитов напрямую зависело от благорасположения царствующей особы. Как отмечали исследователи, королева «управляла... при помощи группировок и партий, которые сама же и создавала, поддерживала или ослабляла в зависимости от того, что подсказывал ее рассудок... Она была абсолютной и суверенной хозяйкой своих милостей, и все те, кому она оказывала расположение, были не более чем держатели по ее воле и зависели только от ее прихоти и собственного поведения» [2, с. 234]. С другой стороны, слово «рыцарь» начинает приобретать несколько иное значение: оно становится определением не для крупного земельного собственника, а для представителя господствующего класса в парламенте. Именно «такой» парламент еще в 1495 г. одобрил для деда Елизаветы Генриха VII *Акт о benevolencii (добровольное подношение)*, собираемой в пользу короля для «защиты от Франции» [6, с. 332].

Вместе с этим формируется еще одна категория землевладельцев — сквайры. Они еще не могли иметь свой герб, однако и эта категория лендлордов в представлении современников уже резко противопоставлялась крестьянству. Богатый джентльмен в графстве имел священника, советника, управляющего хозяйством. В своем манере он считал необходимым построить домовую церковь или основать часовню в приходской церкви. Если в XIV в. он не считался еще полностью «благородным», то в XVI в. в Коллегии герольдов уже мог полу-

чить право на титул джентльмена и свой герб при условии обладания 10 ф. ст. земельного дохода или движимостью на 300 ф. ст. и отсутствии «низкого происхождения». Однако появление джентльмена в XVI в. еще не столь очевидно, хотя геральдическая коллегия уже шла им навстречу. Тем не менее, быть джентльменом было престижно, таким титулом можно было обеспечить почтение. Очень часто находящийся на службе у лорда слуга получал ливрею — верхнее платье с гербом своего «влиятельного господина». Такое одеяние позволяло этим людям, по крайней мере, в своих глазах, считать себя джентльменом. Более того, они требовали для себя такого статуса из-за связей с «большими» людьми королевства, свидетельством чему была их ливрейная форма — социальная претензия в облике человеческой слабости.

Понятие «джентльмен», точнее, повсеместное его использование начинается, когда законодатели приняли ряд мер, впрочем, формального характера, против растущего хаоса и игнорирования закона в стране. Они настаивали, чтобы в бумагах судопроизводства имена преступников, связанных с имущественными преступлениями, сопровождалось обязательным указанием «слова или звания, или их гильдии, или таунов и графств, где они проживали» [7, с. 51]. Наибольшее число «джентльменов» появилось в быстрорастущем Лондоне. Джентльмен не из Лондона — несомненно, пришелец из английского графства. Фактически, это разбогатевший крестьянин, зажиточный и среднего достатка фригольдер или лизгольдер, приближающийся по положению и достатку к сельским джентльменам и сквайрам [там же,

с. 67]. И с этими новыми реалиями необходимо было считаться.

География пришельцев в город обширна, Линкольншир на севере, Девоншир, Сомерсет на юго-западе, окрестности крупнейшего порта там же — Бристоль, Норич в Восточной Англии, графства Стаффорд и Уорвик на западе, Нортумберленд на границе с Шотландией, примыкающие с разных сторон к Лондону и округу Кент, Миддлсекс, Эссекс, Суррей, Бекингемшир, Беркшир, Хартфордшир, Норфолк, Бедфордшир. Являясь землевладельцами (или имея доходы от земли), они помогают в приобретении угодий горожанам и другим, всего вероятнее, предоставлением капиталов. Важно, что они появляются в городе со средствами, которые можно вкладывать в выгодные отрасли, покупку городских земель (что, однако, не исключает возможности появления таких джентльменов в Лондоне вследствие неудач, разорения). Не менее важно, что в земельных операциях они сотрудничают, завязывают знакомства, имеют связи с предпринимателями и жителями Лондона, других городов.

Еще ранее в Англии XIV–XVI вв. в условиях оживленной торговли было обычным объединение средств из-за недостатка наличных денег, что вело к возникновению мелких компаний из 2-3, иногда более человек. Такие союзы были крайне непрочны, обычно заключались на одну сделку. Известно кооперирование лиц самого разного профессионального статуса, лондонцев и пришельцев из других городов и мест, в том же столетии существовали и межгородские торговые объединения.

Отмеченная и последующая социальная эволюция, связанная с разви-

тием капиталистических отношений в феодально-абсолютистском государстве Тюдоров, находилась в тесном переплетении с экономическими трансформациями английского общества. Достаточно отметить, что это было время колоссальных экономических колебаний и скачков. Если учесть, что в конце 1590-х гг. урожаи были исключительно низкими, сочетаясь с локальными эпидемиями и голодом, индекс цен и доходов населения в 1595 г. составлял 515, в 1598 — 685 и только в 1600 он вернулся к 459 единицам. Индекс, выраженный в средней заработной плате по стране, ясно показывает картину трудностей, с которыми люди сталкиваясь в повседневной жизни тюдоровского времени.

В 1510 и 1530 гг. произошло резкое падение покупательной способности заработной платы, упавшей за двадцать лет почти на 40%. Индекс вновь упал в 1550-х годах, но в следующее десятилетие вырос, вернувшись к эквиваленту двух третей его ценности 1510-го года. За исключением 1586–1587 гг., он оставался более или менее стабильным вплоть до 1590-х гг., когда он упал до 39 в 1595 г. и 29 в 1597 г. В 1603 г. после смерти королевы он вернулся к цифре 45, и это означало, что реальная заработная плата с 1500 сократилась на 57% [1, с. 67]. Эта информация показывает и демонстрирует, что уровень жизни падал вместе с ростом населения, а рост рынка труда после 1570 г. оказал на этот процесс негативное воздействие [2, с. 233–234].

Таким образом, обращение к проблеме социально-экономической политики представителей династии Тюдоров и, конкретно, Елизаветы I, на протяжении столетия, а также трансформации феодальной системы

в раннекапиталистическую стратификацию английского общества является весьма интересным и актуальным для рассмотрения. Опираясь на данные и факты исследования, можно смело утверждать, что в период всей истории правления Елизаветы Тюдор (XVI – начала XVII в.) произошла значительная имущественная и социальная дифференциация английского аграрного общества, а также серьезные сдвиги в военной, рели-

гиозной и культурной сфере. Изучение политического наследия Елизаветы Тюдор связано с анализом актуальной проблемы социально-экономических и хозяйственных отношений, а также взаимного влияния этих процессов друг на друга в политическом контексте эпохи. Правление Елизаветы положило начало созданию мощной метрополии и нашло свое отражение в реалиях современного английского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гай, Дж.* Эпоха Тюдоров. Оксфордская история Великобритании. М., 2008. 166 с.
2. *Дмитриева, О.А.* Елизавета Тюдор. М., 2012. 308 с.
3. *Хеншелл, Н.* Миф абсолютизма. СПб., 2003. 271 с.
4. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / пер. Е.В. Гутновой. М., 1961. 950 с.
5. История государства и права средневековой Англии XIII–XV вв.: хрестоматия / сост., ред. и вст. ст. А.А. Тесля. Хабаровск, 2006. 185 с.
6. *The Statutes of the Realm* / Ed. by T.E. Tomlins. Vol. II. L., 1817. 576 p.
7. *Золотов, В.И.* Английское общество накануне «Войны Роз». Брянск, 1995. 114 с.

REFERENCES

1. Dmitrieva O.A. *Elizaveta Tyudor*; Moscow, 2012, 308 p. (in Russian)
2. Guy John. *Epoha Tyudorov. Oksfordskaya istoriya Velikobritanii*. Moscow, 2008, 166 p. (in Russian)
3. Henshall N. *Mif absolyutizma*, Saint-Petersburg, 2003. 271 p.
4. *Hrestomatiya pamyatnikov feodalnogo gosudarstva i prava stran Evropy*, per. E.V. Gutnovoj. Moscow, 1961, 950 p. (in Russian)
5. *Istoriya gosudarstva i prava srednevekovoj Anglii XIII–XV vv.*: hrestomatiya, sost., ed. i vst. st. A.A. Teslya. Habarovsk, 2006, 185 p. (in Russian)
6. *The Statutes of the Realm*, ed. by T.E. Tomlins, vol. II. London, 1817, 576 p.
7. Zolotov V.I. *Anglijskoe obshchestvo nakanune "Vojny Roz"*. Bryansk, 1995, 113 p. (in Russian)

Морозов Александр Алексеевич, аспирант, кафедра новой и новейшей истории, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, a.morozov.87@list.ru

Morozov A.A., Post-Graduate Student, Modern and Contemporary History Department, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, a.morozov.87@list.ru